

A promotional poster for a film. In the background, a woman with long brown hair, wearing a white lace-trimmed top, is holding a baby in a white outfit and kissing it on the cheek. In the foreground, a man with short brown hair and a beard, wearing a dark grey blazer over a white t-shirt, is looking directly at the camera with a serious expression. The background is a white brick wall.

**АМЕЛИЯ
БОРН**

**ХОЧУ
ВЕРНУТЬ
ЖЕНУ**

12+

Амелия Борн

Хочу вернуть жену

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67403181

SelfPub; 2022

Аннотация

Есения прожила со мной восемь лет. Я женился на ней, когда нашей дочери было четыре. Она ждала верности, а я считал, что у меня все еще впереди. Есения стала лучшей матерью для нашего ребенка, а я поступил с ней как последняя сволочь. И тогда она ушла. А теперь у меня есть лишь одно желание. Я очень хочу вернуть свою жену.

Амелия Борн

Хочу вернуть жену

Есения прожила со мной восемь лет. Я женился на ней, когда нашей дочери было четыре. Она ждала верности, а я считал, что у меня все еще впереди. Есения стала лучшей матерью для нашего ребенка, а я поступил с ней, как последняя сволочь.

И тогда она ушла.

А теперь у меня есть лишь одно желание. Я очень хочу вернуть свою жену.

– Папа! Папуля! Как же я соскучилась!

К Никите, сломя голову, бежала дочь. Сашенька. Косички смешно подпрыгивали, словно две маленьких пружинки. К груди Саша прижимала куклу – ее он подарил дочери на прошлый день рождения. Вроде, ничего необычного – мягкая игрушка в виде девочки с точно такими же забавными косами, как у Сашули. А надо же – дочка с подарком не расставалась.

У них с женой получилась чудесная малышка. Темноволосая и голубоглазая. С серьезным взглядом и такими же высказываниями, от которых порой падали со смеху все кругом – настолько весело было слышать их из уст такой крохи.

– Саш! Осторожно, папу испачкаешь.

Есения, улыбаясь и качая головой, подошла следом за дочерью.

– Привет, – мягко поздоровался Никита с женой.

Бывшей, к слову сказать. Впрочем, с недавних пор Константинов собирался это исправить. Потянулся за поцелуем, но Еся лишь скользнула губами по щетинистой щеке.

– Колючий, – наморщила она нос и отстранилась. Втянула аромат дыма. – Мммм! Шашлык, да еще и мой любимый!

– Фирма веников не вяжет, – ухмыльнулся Никита. – Айда к столу.

Есения помотала головой. Константинов невольно завис взглядом на лице жены. Румянец очень ей шел, и сейчас Еся выглядела особенно привлекательной. Один черт разберет, почему. То ли соскучился по ней донельзя, то ли просто раньше как-то не замечал, насколько она красива. Темные волосы, светло-ореховые большие глаза. И губы такие, чуть припухлые, сочные. Целовать их захотелось.

– Не могу, – ответила Есения и, потрепав дочь по макушке, улыбнулась Никите: – Вон Сашку покорми. Но много не давай. Пусть по чуть ест, а не до отвала. Она от тебя в прошлый раз с коликами приехала.

Сашенька мгновенно насупилась. Видимо, заболевший живот должен был стать секретом.

– Слушаюсь! – согласился Никита.

Он ощущал какое-то странное чувство потери. Вроде бы Есения всего лишь не могла остаться с ним и Сашей, а ощу-

щалось это так, словно у Константинова отняли что-то бесценное.

– А чего не останешься? – как можно спокойнее спросил он, а сам вцепился взглядом в лицо жены.

– Дела, – пожала плечами Еся, щеки которой заалели сильнее.

Никита мгновенно напрягся. Нехорошее предчувствие зародилось в душе и теперь расплзлось по нутру.

– Понятно, – сказал он и, взяв у Сашки рюкзачок, собранный для дачи, добавил: – Ну, до завтра тогда. Если что – звонить будем.

– Идет, – кивнула Еся и, развернувшись, пошла к машине.

С женой они познакомились, когда ей было десять, а ему – четырнадцать. Как потом рассказывала сама Есения, она влюбилась в Константинова с первого взгляда и сразу же решила, что он будет ее мужем. Он и сейчас, вспоминая это, очень веселился. Помнил Еську нескладной девчонкой, а сам в то время уже всю погуливал с девушками своего возраста. А она ждала. Потом расцвела, превратилась в настоящую красавицу. Едва ей исполнилось шестнадцать, за ней парни табунами бегать стали. Никита тогда это счел благом – видел, что Еся в него влюблена, но воспринимал ее исключительно как младшую сестру. А потом, когда понял, что ревнует, если видит ее с другим, до него дошло – с этим нужно что-то делать. Так в двадцать лет Есения стала матерью его ребенка. Впрочем, это событие не подтолкнуло Никиту к тому,

чтобы сделать Есе предложение. Все казалось – зачем? Им хорошо вместе и так, а то, что называлось статусом жены или мужа для Константинова было пустым звуком. Формальностью, ровным счетом ничего не значащей. И то, что Есения относилась к этому иначе, было лишь ее «проблемой».

Впрочем, они все же поженились. Никите было откровенно плевать на вопросы друзей и родных – когда же свадьба? Но вот беспокойство по этому поводу Саши сыграло свою роль. Когда дочь в миллионный раз посетовала, что в садике у всех ее подруг папы настоящие, Константинов позвал Есю под венец.

– Ну, малая... пошли мясо есть? Дядя Олег и дядя Глеб уже нас заждались.

Саша, проводив маму взглядом, вздохнула:

– Знаю я, чего они тебя заждались, – и выразительно пощелкала указательным пальцем по горлу. – Но ладно... пойдем.

Они направились туда, где друзья Константинова жарили шашлык. Оба приехали с женами и детьми – последние как раз доламывали очередной куст смородины. И Никита уже собрался было окрикнуть их и дать нагоняй, когда услышал то, что пригвоздило его к месту:

– Пап, а теперь мама с этим Егором поженятся, да? Вместо тебя?

Глаза Константинова поползли на лоб. Какой, черт побери, еще Егор? И почему он должен был жениться на Есении?

– Что значит... поженятся? – проговорил он, поворачиваясь к дочери.

Она замерла в полуметре от него и теперь смотрела на отца с недоумением.

– Ну... как вы с мамой. Я помню вашу свадьбу.

– Кто такой Егор? – вместо ответа, задал вопрос Никита.

Саша нахмурилась. Константинов так и видел, как крутятся шестеренки в голове дочери. Видимо, малая соображает, не сказала ли лишнего.

– Это мамин... ухажер... Так ведь называют мужчин, которые носят цветы и зовут в кафе?

Вот те на! И когда это он успел упустить момент, за который у Есенин нарисовался рядом тот, кому жизнь, видимо, была не мила? С каких пор какой-то чужой мужик не просто крутится возле его жены, но еще и обеспечивает ее конфетами-букетами?

– И давно у нее ухажер? – спросил Константинов у дочери.

– Я не знаю. Неделю точно.

Никита сцепил зубы и бросил быстрый взгляд за ворота. Машины жены там уже, разумеется, не было. Ясно – укатила к своему Егору, с которым собиралась... ночевать? Эта мысль полоснула по нервам. Чееерт! Он никогда – никогда! – так не ревновал, как сейчас. Это чувство разъедало изнутри, пронеслось жгучим ядом по венам. Стоп, Константинов. Успокойся. Может, все не так фатально и пока ограничивается кафешками и цветами, которые захотелось сразу

же засунуть всем ухажерам жены во все места.

– Нет, Шунь. Егор и мама не поженятся, – мрачно пообещал он дочери, после чего вынул из кармана телефон и напечатал жене:

«Как доберешься – позвони».

– Ой, хорошо. А то я уже испугалась, что мы никогда не будем жить втроем, как раньше.

Они снова направились к мангалу, возле которого всю балагурили гости. Нет, ну что это вообще за хрень? Только он собрался вымолить прощение у жены, а потом начать все с чистого листа, как оказалось, что Еся без него живет себе припеваючи и налаживает свою личную жизнь. Как это понимать?

– Будем, – сказал Никита таким уверенным тоном, что Саша мгновенно просияла. – Завтра мама придет и я с ней поговорю.

Дело оставалось за малым. Уверить себя, что ничего такого у Есени с ее хахалем нет и жена просто уехала в город, потому что у нее и впрямь там были дела. Ну и после, пережив ночь, потребовать у Еси ответов на вопросы о Егоре. Да, именно именно этому плану и собирался следовать Никита Константинов.

Вымаливать прощение, кстати, было за что. Расстались с Есей они по глупости. Ну, как тогда считал сам Никита. Даже будучи женатым на матери своего ребенка, Константинов не особо сдерживал себя в общении с женщинами. Флирт,

двусмысленные шуточки... А уж если собирались большой компанией, Никита был центром для каждой представительницы слабого пола. Танцы, ухаживания – все это не заходило за определенные границы, но в этом всем и был Константин. Иначе не умел, да уметь и не хотел. А Есения с этим мирилась. Впрочем, был один эпизод, простить за который Никиту она так и не смогла.

– Сашка спит уже? – спросил Олег, присаживаясь рядом с Константиновым, что сейчас сидел и ворошил угли в догоревшем костре.

– Спит, ага. Воздух свежий, вот и вырубилась.

– Понятно, а то моя спрашивала, не хочет ли с ней Саша мультик посмотреть. – Олег помолчал, после чего вдруг спросил: – Ты чего смурной такой? И Еся куда делась?

Константинов пожал плечами. Захотелось отшутиться, причем довольно зло. Наружу так и рвались те чувства, которые полыхали в душе, когда представлял, с кем и где сейчас может быть его жена. Вместо этого ответил спокойно:

– Хахаль-ахаль у нее какой-то завелся. Вот к нему и усвистала. Не до друзей.

Олег промолчал. Только взял длинный прутик и тоже начал ворошить угли. Они то разгорались, становясь алыми, когда их поднимали, то подергивались белым.

– Хочешь мнение мое знать? Ну, чисто дружеское? – спросил наконец Олег.

Никита сцепил зубы. Примерно понимал, что именно ска-

жет друг, потому и думал – стоит ли выслушивать то, что знал и так, или нет.

– Валяй, – все же кивнул после небольшого раздумья.

– Да ты в курсе и без меня. Есю возвращать нужно. Такую женщину, как она, упускать нельзя.

Он что, мысли читал? Вроде как семейную жизнь Никита с ним не обсуждал. Да и вообще ни с кем другим. А Олег говорил о том, что у самого Константинова было на уме.

– Посмотрим, – со свойственным ему притворным безразличием ответил Никита, поднимаясь. – Завтра видно будет, что там за ухажер завелся.

Он пожелал другу спокойной ночи, пошел к дому. Перед тем, как лечь спать, заглянул к Сашке. Она дрыхла, раскинув руки. Кукла валялась чуть поодаль, ближе к изножью. Дыхание дочери было ровным, размеренным. Безмятежный сон, какой бывает только у детей и людей, которым судьба не подбрасывает нервяков.

Впрочем, ругаться на судьбу Константинову было грешно. У него имелись чудесные дочка и жена. Он вообще был счастливым, если так разобраться. Родные и близкие живы и здоровы. Дом – полная чаша, с деньгами проблем нет. Вроде бы казалось – живи и радуйся. Сашку расти, еще одного заведи. Потом внуки, путешествия, мемуары даже может какие напишет. Счастливое и спокойное существование. А несло его совсем в другую степь. До этого момента. Сейчас вдруг отчетливо понял – все эти попытки быть самодо-

статочным без семьи провальны. Ему это не нужно, а в кучу баб кругом себя он уже наигрался.

Закрыв дверь в комнату дочери, Константинов отправился спать. Завтра он расскажет обо всем Есе и они будут снова вместе. Осталось дожидаться утра.

«Никит, слушай, сможешь привезти Сашку домой и с ней побыть? Или посидите пару часов на даче, не успеваю вовремя, заберу дочку позже».

Такое сообщение Константинов прочел, едва продрал глаза. Сон как рукой сняло. Есения не только ночью развлекалась со своим Егором, но еще планировала и сегодня лишних два часа провести в его компании.

«Без проблем, – подумав немного, напечатал он ответ. – А что у тебя случилось?»

«Да так, небольшие трудности. По работе. Ничего такого».

«А трудности случайно не Егором зовут?»

Он все же не сдержался, хотя, не должен был вот так, в лоб, говорить о другом мужике. Это могло вызвать у жены реакцию, прямо противоположную той, которую он хотел бы видеть.

«Понятно. Сашка проболталась», – ответила Еся на это после довольно долгого молчания.

«А ты хотела от меня его скрыть?»

«Избави боже, Константинов) У меня своя жизнь, так что любые трудности, даже если их зовут мужскими именами,

касаются только меня».

«Ты ошибаешься...» – написал Никита.

Отложил телефон. Сделал вдох, рвано выдохнул. Ему нужно было успокоиться, потому что суть беседы с женой не понравилась Константинову с самого начала. Нет, вы только подумайте! У Есении своя жизнь. А ничего, что у них совместный ребенок? Этот аспект ее уже не волнует?

«С Сашкой посижу на даче. Приедешь – поговорим», – прибавил он через пару минут.

«Звучит, как угроза))) Но да, давай поговорим. До встречи».

Переписка завершилась, Константинов взглянул на часы. До образовавшихся «дел» Еся должна была забрать Сашу в два. Значит, приедет часам к четырем-пяти. Теперь бы вытерпеть и не начать написывать и названивать Есении по поводу и без. Потому что такой бури эмоций Никита еще ни разу не испытывал.

– Ну, как ты с папой время провела? – спросила жена, когда прибыла за дочкой.

Остальные уже разъехались – завтрашний рабочий день диктовал свои правила. Обычно в весенне-летний период собирались компанией еще с пятницы. Топили баню, жарили шашлык, ходили на рыбалку. Жены в это время загорали, присматривали за детьми. Дача Константинова была приспособлена для того, чтобы позвать сразу три-четыре семьи. И вот теперь это все куда-то делось, а Никита даже не понял,

как именно это произошло.

Олег и Глеб, конечно, навевывались, но все реже. Да и то, приезжали под занавес субботы и с воскресного обеда уже торопились в город. А Еся вон и вовсе не осталась. От этих мыслей у Никиты в душе заныло. Стало как-то неудобно.

– Очень весело! Папа говорит, тут спится отлично, так и есть. А ты как? – ответила Сашенька и вдруг посерьезнела.

Видимо, вспомнила, что мама могла быть в эту ночь не одна. И хоть пока малая мыслила совсем иными категориями, Константинов испытал еще более тревожно-неприятное чувство.

– И я прекрасно, – улыбнулась Еся и посмотрела на Никиту.

Она, видимо, знала, что он собирается с ней поговорить о ее Егоре. И он действительно собирался, только вот сейчас все слова вдруг куда-то растерялись.

– Не торопиться? – спросил он. – Шашлык со вчера остался. Хотел разогреть на обед, а то до города путь неблизкий.

Сказал это и сразу мысленно себя обругал. Ну что за ухаживания гамадрила? От таких любая жена сбежит.

– Да вроде не тороплюсь, – чуть пораздумав, ответила Есения. – И шашлыка бы поела.

Она вручила Саше сумку, и дочь умчалась к дому. Сама же подняла руки и потянулась, как довольная сытая кошка. Константинов невольно замер взглядом на фигуре Есении.

Ее не испортили роды – напротив, после того, как у них появилась Сашка, жена стала еще более женственной и желанной.

– Не выспалась? – с улыбкой спросил Никита, а когда понял, о чем только что поинтересовался, нахмурился.

– Выспалась, – тихо рассмеялась Еся. – И пойдем уже в дом, раз поесть позвал.

Пока Саша рассказывала о новых приключениях своей куклы (а они случались ежедневно), Константинов поставил еду на плиту. Наскоро нарезал салат из зелени, когда шашлык разогрелся – собрал на стол. Самому есть не хотелось, чувствовал себя, как пятнадцатилетний пацан, который влюбился впервые. И подумать только – в собственную жену.

А вот Есения и Сашка, усевшись за стол, принялись уплетать мясо.

– Вкусно! – похвалила Еся, хотя, конечно, шашлык надо было есть еще вчера с пылу, с жару.

– На ужин лучше бы осталась. И на ночь, – с явным намеком ответил Никита.

Жена кашлянула, покосилась на Сашу. Та или делала вид, что ничего не понимает, или действительно не вникала в разговор взрослых. Да и разговором-то это было не назвать. Так, пара реплик, которые, возможно, были значимы только для него.

– Я же сказала, что были дела, – мягко улыбнувшись, ответила Есения.

Саша, быстро доев, убежала собираться, оставив родителей вдвоем. Видимо, все же хоть немного, но понимала.

– Тогда повторюсь – дела не Егором зовут?

Никита не стал сдерживаться. Он имел полное право знать о том, что это за мужик крутится рядом с его женой.

– Константинов... Давай сразу расставим все точки. Даже если мои дела зовут Егором, ну или Сережей, Петей, Ваней – это только моя жизнь. Я не лезу в твои личные дела, ты – в мои.

– Очень хорошо устроилась, – хмыкнул Никита и сложил руки на груди. – А меня спросить не забыла, что я думаю по этому поводу?

– А тебя спрашивать не должна, – пожалла плечами Есения. Взяла стакан морса, отпила пару глотков. Смотрела на Никиту так, что у него возникло ощущение, будто он – мальчишка, который нашалил. – Мы разводимся, не забыл?

– Я против.

Брови Есении поползли вверх. Наверно, сам Константинов тоже бы очень сильно удивился, скажи ему кто-то еще пару дней назад, что он передумает. И нет, вовсе не наличие другого мужика стало спусковым крючком, когда потребность вернуть жену стала огромной. Хотя, стоило признаться самому себе – этот чертов Егор сыграл свою весомую роль.

– Константинов, ты меня пугаешь!

Еся встала из-за стола и, подойдя к Никите, положила ладонь ему на лоб.

– Жара вроде нет, – пробормотала она. – Ты же не успел опохмелиться?

Когда попыталась отойти, Никита перехватил жену, притянул к себе.

– Есь, давай без этого всего, хорошо? Я против развода. И против Егоров, Сереж и прочих Вань и Петь. Давай уже закончим наш разлад. Я хочу с тобой жить. Хочу вместе растить дочь...

– А в один прекрасный день снова посчитать, что ты свободен, как ветер, и целовать баб у меня на глазах?

На лице Есении отразился такой гнев, что Никита невольно отступил, отпуская жену.

– Такого больше не повторится, – проговорил он, уже зная заранее, что сделает все, чтобы отныне стать самым верным мужем и хорошим семьянином.

Еся смотрела на Никиту теперь с чем-то вроде сожаления, разливающегося по радужке глаз.

– Я тебе не верю, прости, – хмыкнула она равнодушным, как показалось Никите, голосом. – Мы разводимся и живем дальше каждый, как пожелает. Конечно, с учетом всех интересов нашей дочери.

– В ее интересах – чтобы родители были вместе! – горячо заявил Константинов.

– Нужно было думать об этом до того, как я обнаружила тебя с другой!

Еся сделала глубокий рваный вдох. Усмехнулась и, пока-

чав головой, задала вопрос, показавшийся риторическим:

– И чего я так на это до сих пор реагирую? Вроде уже уговорила себя, что мы с тобой в прошлом и меня это все не волнует.

Никита невольно вздохнул с облегчением. Не зря ощущал, что у Есении к нему чувства еще не остыли. Не зря хотел все вернуть.

– Мы не в прошлом, – сказал он и сделал шаг к жене.

Она отступила и это заставило Константинова с силой сжать челюсти.

– Все, Ник... Давай не будем.

Он хотел сказать что-то еще, а лучше – схватить в охапку, прижать к себе и повторить то, что уже озвучил, но их отвлекла Сашка, вприпрыжку примчавшаяся на кухню. Уже полностью собранная, дочь окинула родителей пристальным взглядом и спросила:

– Я не вовремя? Мы с куклой можем немного поиграть во дворе.

И не успел Никита сказать и слова, как Есения ответила:

– Ты всегда вовремя, Кноп. Поехали уже домой.

Константинов почувствовал, что сейчас стоит просто промолчать, оставив разговор на той ноте, на которой они поставили его на паузу. Он направился следом за женой и дочерью, что зашагали к машине Еси. Когда Саша, устроив вещи на заднем сидении, повернулась к отцу, подхватил малую на руки и крепко прижал к себе.

От мысли, что теперь жена будет брать Сашку и на прогулки-посиделки в кафешках с Егором, внутри кольнуло.

– Люблю тебя, Шунь, – сказал дочери, пока та, обхватив его за шею ручонками, тяжело вздыхала.

Она делала так каждый раз, когда они расставались.

– И я тебя, папочка, – ответила Саша.

Затем настала очередь прощаться с Есей. Ссадив с рук дочь и игнорируя жест жены, что намеренно выставила перед собой руки, Никита так же крепко придвинул к себе Есению и с жаром поцеловал. Касание губ вышло быстрым, коротким. Жена хотела возмутиться, отстранилась. Но Константинов, отступив, просто сказал:

– До встречи.

Еся смотрела на него, нахмурившись. Поджала губы и, все же промолчав о том, что он сделал, бросила быстрое:

– До встречи.

После чего, усадив Сашку в машину, села за руль и так быстро умчалась, словно за ней гналась стая волков. Константинов растянул губы в улыбке. Стаю, конечно, он ей обещать не мог... Но вот поиграть в Красную шапочку и серого хищника был вполне готов.

Повернувшись, он пошёл обратно к дому, чтобы собраться и уехать следом. В городе его ждали дела, главным из которых станет возвращение жены туда, где ей и полагалось быть – к мужу.

***

Я вжимала педаль газа в пол с такой силой, что у меня заболела лодыжка. Бежала от Никиты, слова которого подняли в моей душе настоящее цунами. И чего мне стоило оставаться притворно равнодушной к тому, что говорил муж, знали только небеса.

Сашка, устроившаяся на заднем сидении, задумчиво смотрела в окно. Я позвала ее по имени, и когда дочь нашла мой взгляд в зеркале заднего вида, спросила:

– Ну, ты как, Кнопка?

Саша пожала плечами и вздохнула.

– Все хорошо. Только я... кажется, рассказала папе про Егора.

В глазах дочери мелькнула растерянность, и я поспешила заверить:

– В этом нет ничего страшного. Дядя Егор теперь будет довольно часто рядом с нами. Скорее всего, даже я стану приглашать его на общие мероприятия. Например, на мой день рождения.

Сказав это, я вновь бросила взгляд на дочь. Она надула губы. Все понятно – в ее идеальной картине мира, которая с недавних пор таковой быть ну никак не могла, чужих дядь в нашей семье не предполагалось.

– Ладно, – сказала Саша и, прильнув к окну, стала смотреть на пробегающий за стеклом пейзаж.

Я же попыталась мысленно переключиться с тех эмоций, что бушевали внутри, на что-нибудь разумное. Например, на

уверенность, что Константинов опять играет в какие-то свои игры. Я могла побиться о заклад – муж настолько активизировался только потому, что рядом со мной появился другой. И если сейчас я сделаю ту ошибку, которую уже допускала не раз, снова буду лежать и рыдать в подушку ночами.

Я влюбилась в Никиту, когда еще была совсем девчонкой. Он мне казался идеальным во всем. Внешность, характер, эта его какая-то мужская удаль, которой фонило от Константинова, несмотря на то, что он тогда был совсем молоденьким парнем. Я же, напротив, всегда чувствовала себя на несколько лет старше. И мне казалось, что мы друг другу подходим на все сто.

Я умела ждать, поэтому когда Никита нагулялся и мы стали встречаться, для меня это было своего рода закономерностью. А когда я забеременела – и вовсе посчитала, что уж теперь-то Константинов поймет ту простую истину, которую доносит до него жизнь. Мы друг для друга – судьба.

Потом была свадьба. Я не торопила Никиту, потому под венец мы пошли, когда Сашка была в довольно сознательном возрасте. А следом, после трех лет совместной жизни, когда бывало всякое, меня ожидало самое большое крушение моих надежд.

На одной из вечеринок, где мы были вместе, я застала Никиту целующимся с другой. Но не это стало точкой невозврата, а тот момент, когда во время устроенного скандала услышала, что мы поторопились со свадьбой. И что он хочет

свободы, потому что ему всего немного за тридцать и у него еще все впереди.

Должно быть, если бы я увидела его в постели с любовницей, я бы настолько сильно не шокировалась от сказанных мне слов. Это у меня-то, наивной дурочки, все сложилось – любимый муж, лапочка-дочь... планы на совместную жизнь, еще один малыш в перспективе. А для Никиты, как оказалось, это все было проходным эпизодом, потому что все лучшее его ожидало в будущем. И это были вовсе не мы с Сашкой.

– Сашунь... а что если мы с Егором тебя на карусели отведем, м? – спросила я, когда до дома оставалось минут десять езды.

– А с папой нельзя? – мигом откликнулась дочь.

Я сделала глубокий вдох. К подобному, пожалуй, была вполне готова, но все же меня обуяла досада. Конечно, дочь ничего о том эпизоде, приведшему к расставанию, не знала, но я испытала иррациональную обиду.

– Можно и с папой, но сейчас спрашиваю про Егора, – все же ответила спокойным тоном, подпустив в голос нотки веселья.

Впрочем, Саша этого не оценила.

– Не хочу с Егором. А с папой – хочу, – заявила дочь, и я решила, что пока вопрос каруселей стоит отложить до лучших времен.

С Вержицким Егором я познакомилась пару месяцев на-

зад. Он был старше на десять лет, разведен, детей в браке не завел. Правда, ребенок у Вержицкого имелся – совершенно-летний сын, который родился, как говорил сам Егор, когда у него и его девушки еще молоко на губах не обсохло.

К почти сорока годам Егор занимал пост замдиректора солидной фирмы и хотел снова завести семью. Месяц ухаживаний, когда Вержицкий буквально заваливал меня вниманием, и я сдалась. Хотя, по правде говоря, совсем не желала новых отношений тогда, когда у меня еще стоял штамп в паспорте. Да и в целом считала, что после брака с Константиновым еще долго не захочу входить в эту реку.

Однако то, каким заботливым и внимательным был Егор, его терпение и мягкая настойчивость сыграли свою роль. Нет, я совсем в него не влюбилась, но вполне допускала мысль, что именно с этим мужчиной у меня может получиться что-нибудь серьезное.

Сашка крутилась со мной на кухне, помогая с ужином. Дочь больше мешала, чем делала что-то путное, но, естественно, я ей об этом не говорила.

– Мам, а папа скоро к нам придет? До твоего дня рождения еще заедет? – спросила она меня, когда мы ставили в духовку лазанью.

Я бросила взгляд на часы. Во-первых, нужно было засесть время, чтобы не передержать блюдо. Во-вторых, совсем скоро должен был приехать Егор. И хоть Сашка пока об этом не знала, я как раз планировала сообщить дочери, что сегодня

мы будем ужинать с Вержицким.

– Не знаю, Кноп. Но думаю, что завтра мы ему позвоним и спросим.

Я едва успела договорить, как раздался звонок в дверь. Странно, Егор обычно был весьма пунктуальным. Он и не опаздывал, и не сваливался как снег на голову раньше положенного времени.

Сашка тут же воодушевилась и умчалась в прихожую, куда я и направилась следом за ней. Взглянула в глазок, но вместо визитера увидела лишь огромный букет белых роз. А когда открыла, услышала довольный голос Константинова:

– Ну, что, девчонки? Не ждали?

Конечно, не ждали. Это было первое, о чем я и хотела сказать Никите. Но неподдельная радость Сашки не позволила мне прогнать Константинова с порога.

– Есть какой-то повод? – спросила, забирая цветы у мужа.

Он зашел и стал разуваться, как будто только его здесь и не хватало.

– Чтобы подарить тебе букет – повод не нужен, – хмыкнул Константинов и, подхватив на руки дочь, закружил.

Сашка хохотала так, что было ясно – ребенок абсолютно счастлив. А вот я начинала испытывать раздражение. И что это за новая мода заявиться и думать, будто других дел у нас не имеется?

– Ммм, вкусно пахнет, – сказал Константинов, поведя носом, когда поставил дочь на ноги. – На ужин пригласите?

Я не успела придумать что-нибудь и ответить отказом, когда дочь радостно закричала:

– Конечно, пригласим! Пойдем мыть руки!

Она увела отца в ванную, а я тяжело вздохнула. Удобнее устроила букет на сгибе локтя и мысленно приготовилась к тому, что рано или поздно должно было состояться – к знакомству Никиты и Егора.

Еще пару дней назад я считала, что это станет своего рода формальностью. Но после того, что начал делать и говорить Константинов, поняла – меня ждут весьма «веселые» времена. Зная Никиту, могла побиться о заклад – он станет вытворять и говорить такое, к чему просто невозможно было быть готовым.

– Мам! А лазанья скоро будет? – спросила Саша, подпрыгивающая от нетерпения и радости, когда привела Константинова на кухню.

Я в этот момент была занята тем, чтобы отыскать для подаренного великолепия подходящую вазу.

– Скоро. Минут через двадцать, – ответила дочери и бросила встревоженный взгляд на часы.

Это не укрылось от внимания Никиты.

– Мы еще кого-то ждем? – поинтересовался он притворно безразличным тоном.

Я мгновенно закусил удила.

– Мы – нет. А я – да.

Брови мужа приподнялись, а на лице появилось нехорошее выражение. С такими минами обычно задумывают какие-нибудь каверзы.

– Так значит, я вовремя! – воодушевился Никита и, взглянув на дочь, заявил весело: – Давай, малая, ты мне покажешь, что обещала, а потом вернемся к маме. А то мало ли она одна со встречей гостей не управится.

Сашка на мгновение нахмурилась, но, видимо, решив, что озвученная тема не стоит ее внимания, кивнула:

– Идем!

После чего оба удалились в детскую.

Я мысленно взвыла и, сев за стол, уронила голову на руки. Господи, за что мне все это? Ну почему я просто не могу спокойно начать строить нормальные отношения? Отчего сейчас сижу, как на иголках и не представляю, чем завершится этот вечер?

Когда раздался второй звонок в дверь, я встала из-за стола и направилась в прихожую. И тут же застыла соляным столбом, потому что Никита с прытью и скоростью, которым бы позавидовал даже гепард, ринулся мне наперерез и, не взглянув в глазок, принялся открывать.

– Добрый день, – раздался через секунду его голос, полный саркастического холода. – А мы букеты не заказывали.

Нет, ну это ни в какие ворота не лезло! Подскочив к мужу, я пихнула его локтем и, буквально вклинившись между ним и Егором (а на пороге ожидаемо стоял он), улыбнулась

ошарашенному Вержицкому.

– Привет, – поздоровалась мягко и добавила: – Бывший муж забежал Сашку проведать. Заходи.

– Кхм, – кашлянул Егор.

Попытался зайти и мне пришлось теснить Никиту спиной и пятой точкой. Когда почувствовала, как ладонь мужа ложится на мой живот, сбросила его руку в раздражении.

– Это тебе, – сказал Вержицкий, протягивая мне цветы.

– О, хризантемы. Еся мне много раз говорила, что они не сочетаются с розами, – раздался голос Константинова.

– Розы я и не принес, – пожал плечами Егор, разуваясь.

– Зато принес я, – насмешливо ответил Никита.

Я коротко вдохнула и выдохнула. Отдала букет насупившейся дочери, попросила:

– Отнеси на кухню, пожалуйста. Мы придем и я поставлю их в воду. – Потом обратилась к Вержицкому. – Идем, я покажу, где ванная.

Эта фраза не укрылась от внимания Константинова. Сначала он разулыбался, а затем – нахмурился. Впрочем, заострять внимание на этом я не стала. Мы с Егором совсем скоро скрылись в санузле.

– Ты не говорила, что будет твой муж, – сказал Вержицкий, ополаскивая руки.

– Я и сама не знала, что он приедет, – пожала плечами, делая вид, что ничего особенного не случилось. – Ты же не против, что Ник здесь?

– Конечно, нет, – усмехнулся Егор.

Вытер руки и подошел ко мне. Притянул для того, чтобы поцеловать, и я ответила на ласку.

– Это твоя квартира. И Никита – отец твоего ребенка. Я все понимаю, он часть твоей жизни и это неизменно.

Я кивнула и отвела взгляд. К поцелуям мы с Вержицким перешли не так, чтобы очень давно, потому я еще немного смущалась. И, что странно, мне порой начинало казаться, что отвечая Егору, я будто бы изменяю Константинову. Несусветная глупость!

– Ага, я так и знал, что застану тебя в объятиях другого, милая! – театрально воскликнул Никита, который распахнул дверь в ванную в тот момент, когда Вержицкий вновь потянулся к моим губам.

Мы с Егором отпрянули друг от друга, словно двое школьников, которых застали за непотребными действиями.

– Знаешь что, – зашипела я разъяренной кошкой, шагнув к мужу.

– Знаю, знаю, – закивал он и, сопроводив свои слова самой елеинной улыбкой из возможных, спросил: – Ты там лазанью не спалишь?

Я ойкнула и бросилась на кухню спасать наш ужин.

– А вы чьих будете? – спросил Никита, когда мы сели за стол, который я с трудом, но все же накрыла.

Поставила четыре порции лазаньи, чуть не порезалась, когда делила ее на порции, и вообще жутко перенервничала от

того, что творилось. А творилось самое настоящее светопреставление, по крайней мере, я чувствовала себя именно так – угодившей в апокалипсис.

И да – Константинов спросил «А вы чьих будете?»

– Что значит – чьих буду? Отвечать про Рюриковичей не стану, – усмехнулся Егор. – Но если вас интересует моя родословная, готов предоставить ее вам уже при следующей встрече.

Вержицкий приподнял брови и, так и не дождавшись ответа от Никиты, продолжил есть.

Все, что происходило, казалось частью какого-то дурацкого спектакля. Но я раз за разом возвращалась в мыслях к тому, что так или иначе это должно было случиться. Мы неминуемо бы встретились вместе, ведь Егор уже стал частью нашего мироустройства. Вот только я совсем не была готова к тому, как отреагировал в итоге на все Никита.

Сашка мрачно ковырялась в еде, потому я обратилась к ней, моля про себя всех богов, чтобы этот ужин закончился как можно скорее и с наименьшими потерями:

– Кноп, невкусно?

Дочь посмотрела на меня, затем перевела взгляд на отца.

– Вкусно. Только аппетита что-то нет, – вздохнула она и я мысленно простонала.

Мне только не хватало реакций Сашки, когда она станет всячески показывать, что Егор ей не мил и при нем кусок в горло не лезет.

– Ну, ничего страшного, – притворно жизнерадостно ответила я. – Лазаньи много, если что – погрею позже.

Мы снова уткнулись в тарелки. Я ела, почти не чувствуя вкуса. Зачем Константинов приперся? Чтобы испортить этот вечер? Ведь я вкладывала в полноценное знакомство Вержицкого и Саши определенные ожидания. Егор даже выучил, как зовут каких-то там собачек-кошечек и прочих зверушек-кукол, которыми интересовалась наша с Константиновым дочь. И вот в итоге мы все оказались в своего рода театре военных действий.

– Никита, вы увлекаетесь машинами, – начал Вержицкий, отложив вилку и вытерев салфеткой губы. – Скоро будет выставка, посвященная этой тематике.

– Приглашаешь меня ее посетить? – откликнулся Ник, приподняв брови. Он откинулся на спинку стула и смотрел на Егора с нотками пренебрежения во взгляде.

– А почему бы нет? – пожал плечами Егор. – Я тоже не прочь развить свои познания в озвученной области.

Константинов бросил на меня взгляд, полный удивления. Я так и читала в его глазах: «Он всегда такой зануда, или только сейчас?» Хотя, была высока вероятность, что я просто слишком гиперболизировала происходящее.

– Я тоже с удовольствием сходила бы на выставку, – вступила я в беседу, отложив вилку.

В том, что аппетит был ни к черту, солидарность с Сашей зашкаливала.

– Ну, конечно, любимая. Без тебя там точно будет скучно, – хмыкнул Никита, и я не выдержала.

Вскочила с места и принялась прибирать со стола, хотя, никто еще не доел.

– Я помогу, – тут же сказал Вержицкий, поднявшись на ноги.

– Нет, я помогу. Ты гость. Сиди, – откликнулся Константинов и, встав нерушимой громадой между мною и Егором, начал стряхивать порции лазаньи на одну тарелку.

Я стояла и наблюдала за этим, а у самой внутри начал просыпаться гнев. Я не собиралась позволять Никите делать так, чтобы между мною и мужчиной, с которым я планировала начать строить отношения, начались какие-то недомолвки.

– Идем, – сказала тихо и, обогнув Константинова, подошла к Вержицкому и взяла его за руку. После чего добавила, глядя на бывшего мужа: – Побудешь хозяйшкой и приберешься? – И прежде, чем он ответил бы, присовокупила к сказанному: – Вот и спасибо. Потом Саше мультики включи.

А следом мы с Егором удалились в мою комнату под пристальными взглядами дочери и Никиты.

– Прости, – сказала я, когда мы заперлись в спальне.

Опустилась на край постели, растерла лицо ладонями. Мне было жутко неудобно перед Егором за то, что говорил и делал Константинов. Но в то же время я понимала – выгнать отца Сашки не смогу. По крайней мере, не на глазах у ребенка.

– Тебе не за что извиняться, – мягко сказал Вержицкий, устраиваясь рядом. – Наверно, будь я на месте твоего мужа, вел бы себя точно так же.

– О, нет, – нервно хихикнула я, качая головой. – Такие способности есть исключительно у Никиты.

Мы тихо рассмеялись, после чего замолчали. Я сидела рядом с Егором и прислушивалась к себе. Что чувствовала в этот момент? Спокойствие, которое наконец-то стало ко мне возвращаться. И, пожалуй, все. Хотя, была даже рада тому, что в отношении Вержицкого у меня нет каких-то зашкаливающих чувств. Когда влюбленность едва ли не с первых мгновений срывает крышу и думать ни о ком другом не можешь. И когда вот так сидеть бок о бок – словно чувствовать электрические разряды, витающие между тобой и мужчиной, которого выбрала.

Ничего этого не ощущалось. Мне просто было хорошо рядом с Егором, и я действительно радовалась, что не теряю голову в его присутствии.

– Насчет твоего дня рождения, – заговорил Вержицкий через пару минут тишины. – Ты точно уверена в том, что мое наличие на празднике – хорошая идея?

Я нахмурилась, повернувшись к Егору. Он что, вот так в открытую говорил, что готов отступить? Или о чем вообще был этот разговор?

– Ты не подумай плохого... я просто хочу, чтобы тебе было максимально комфортно, – добавил поспешно Вержиц-

кий.

– Мне будет максимально комфортно, когда все будет по-моему, а не так, как возжелает мой бывший муж, – ответила уверенно.

– Кажется, бывшим он себя не считает, – кривовато усмехнулся Егор, на что я, пожав плечами, ответила:

– Мне плевать, что он там считает, а что нет. Это меня не касается.

– Точно? – приподнял бровь Вержицкий и потянулся к моим губам.

– Абсолютно, – шепнула я и снова погрузилась в сладость поцелуя.

Мне почудилось, что Константинов стоял за порогом и подслушивал. Иначе объяснить то, что Никита принялся колотить в дверь через пару мгновений, я не могла.

– Есь! – раздался его окрик. – Мы с Сашкой уже соскучились! Выходи!

Я мысленно простонала. Момент был нарушен, а за поведение Никиты стало окончательно стыдно.

– Я его убью, – беззлобно выдохнул Егор, отстраняясь.

– Нет уж, предоставь это мне, – процедила я и, поднявшись с постели, направилась открывать этому несносному Константинову.

Бывший муж, стоило мне только распахнуть дверь, расплылся в улыбке, которой бы позавидовал даже Чеширский кот. Он заглянул в комнату и, найдя взглядом Егора, разве-

селится окончательно.

– Прямо сериал какой-то. Мексиканский. Муж находит жену в спальне с другим мужиком.

Я вспыхнула от злости и стыда. Да, мне было ужасно стыдно за то, как вел себя Никита. Уже собралась было подобрать слова и выдать какую-нибудь тираду, но меня опередил Вержицкий.

– Есень, я, наверно, пойду, – не ответив на реплику Константинова, обратился он ко мне. – Лазанья была прекрасна, ты – тоже.

Он подошел со спины и, положив руки мне на плечи, притянул к себе и коснулся губами затылка. Я физически почувствовала напряжение, которое витало в воздухе и сконцентрировалось во взглядах мужчин, скрещенных над моей головой.

– Хорошо, – все же вздохнула я, понимая, что ничего путного из этого вечера не выйдет.

И даже если сейчас выставить Никиту вон, Сашка наверняка встанет в позу и продемонстрирует Егору все свое пренебрежение. Никакие имена кошечек-собачек Вержицкому не помогут.

– Тебе, кстати, тоже пора бы восвояси, – обратилась к Константинову, провожая Егора в прихожую.

– Только после того, как мы кое-что обсудим, – откликнулся Никита.

Я поймала настороженно-вопросительный взгляд Вер-

жицкого, которым он молчаливо уточнял, не нужна ли мне помощь. Помотала головой. С бывшим мужем я уж точно должна была справиться сама. Это, если уж так посудить, было только моим «наследством».

Егор, одевшись, взял меня за руку и кивнул на выход из квартиры.

– Проводишь? – спросил он меня, на что я тут же кивнула:

– Конечно.

– Только недолго! – вновь вклинился в то, что его совсем не касалось, Константинов.

Я смерила его строгим взором, после чего мы с Егором вышли из квартиры.

– Еще раз прости за то, что этот вечер испорчен, – сказала я Вержицкому, испытывая досаду.

– Ты здесь не причем, – покачал он головой. – Ну а то, что отец Саши будет себя вести так и дальше... вполне ожидаемо, – пожал он плечами. – Не волнуйся, меня таким не испугаешь, – улыбнулся Егор и, приобняв, сказал: – А сейчас беги, а то замерзнешь. И я постараюсь не ревновать, зная, что ты там с этим Отелло один на один, не считая Саши.

Признание Вержицкого стало совсем неожиданным. Мы с ним не говорили о чувствах, просто строили отношения в комфортном нам обоим темпе. И вот теперь он заговорил о ревности.

– Я позвоню, – сказала ему в ответ и, коротко коснувшись губ Егора поцелуем, вернулась обратно.

Константинов ожидаемо нашелся в прихожей. Я могла поспорить – не вернись я в течение пары минут, он бы не погнушался и вышел бы в общий коридор с какой-нибудь очередной своей репликой.

– Поговорим? – спросил он, и в этот раз в тоне бывшего мужа не было веселости. Мне даже почудилось, что там сквозят нотки угрозы.

– Поговорим. Мне есть, что тебе сказать, – фыркнула в ответ, запирая входную дверь.

Пока Никита устраивался за столом на кухне, я заглянула к дочери. Она была увлечена просмотром мультиков, и когда я позвала, вскинула на меня рассеянный взгляд.

– Егор ушел, просил передать тебе «пока», – с улыбкой сказала я, на что Сашка почти никак не отреагировала, вновь сосредоточив все свое внимание на «Русалочке». – В следующий раз погуляем где-нибудь втроем, – громче добавила я, и Сашка насупилась.

Я сделала глубокий вдох. Наверно, не стоило усугублять и без того острую для нас для всех ситуацию. Потому, немного постояв на пороге комнаты, я развернулась и направилась на кухню, чтобы высказать Константинову все, что вертелось у меня на языке.

– Я козел, который не дает тебе общаться с левыми мужиками, – не успела я добраться до Никиты, сказал он и посмотрел на меня взглядом, в котором полыхала темнота.

– Во-первых, Егор – не левый мужик. Во-вторых, да, ты

прав в остальном, – ответила Константинову и, отойдя к окну, оперлась бедром на подоконник и сложила руки на груди. – Впредь будь добр, воздержись от этого детского сада, который ты устраиваешь в последние пару дней.

– Детского сада? – Никита сцепил челюсти и мне даже показалось, что я слышу, как скрежетнули друг о друга его зубы. – По-моему, детский сад – это звать левого мужика, – а твой Егор именно таковым и является, на ужин для знакомства с чужим ребенком. Вы меня забыли спросить, нужно ли Сашке все это? – Он неопределенно помахал в воздухе рукой.

– Это? – приподняла я бровь. – Если «этим» называется ее общение с матерью, у которой завязались отношения и которая не собирается прятаться по кустам – то да. Забыли и вообще не собирались этого делать.

Я сделала короткий вдох-выдох.

– Никита, повторю то, что, возможно, для тебя стало новостью – мы не вместе. Мы разводимся. У нас у каждого своя жизнь. Надеюсь, в третий раз об этом говорить не придется.

Константинов смотрел на меня так пристально, что мне показалось, будто у меня на лице появилось что-то необычное, что вызвало неподдельный интерес со стороны бывшего мужа. Затем поднялся из-за стола и, подойдя ко мне, прижал своим телом к подоконнику плотнее. Расставил руки по обеим сторонам моего тела, и я почувствовала себя загнанной в ловушку. Меня окутал хорошо знакомый аромат парфюма.

Его я дарила Константинову перед самым нашим расставанием.

– Я против, Есь. Против развода. Против того, чтобы мы продолжали быть друг другу чужими людьми.

– Напомнить тебе, почему таковыми стали? Хотя, я и не согласна с формулировкой, потому что ты и я – родители Сашки и это неизменно. Но... Ты забыл, почему мы уже не вместе?

Пришлось упереться ладонью в грудь Константинова и с усилием его от себя отодвинуть. Правда, отвоевать удалось всего пару сантиметров, не больше.

– Есь, давай не будем о прошлом, – поморщился Никита.

Этих нескольких слов хватило, чтобы в моей душе начала просыпаться фурия.

– Ох, как у тебя все просто! Захотел – поцеловал другую. Или других? М? Захотел – сказал, что у тебя все впереди, а наш брак – ошибка. А захотел – попросил не помнить о прошлом. Ну просто красота!

Я цедила эти слова в лицо Никиты, который застыл возле меня соляным столпом. Лишь только чувствовала, как его крепкие сильные руки напрягаются еще сильнее. В памяти мелькнули картинки того, как эти самые руки ласкали мое тело... Как дарили такое наслаждение, которого я не испытывала никогда и ни с кем, кроме Константинова. И эти мысли неожиданно отрезвили.

– Скажи, Ник... У тебя ведь были женщины за те полгода,

что мы не вместе? – спросила я тихо. – Или хочешь сказать, что все это время ты жил монахом?

Конечно, я здраво смотрела на эту ситуацию и, зная Константинова, понимала, что он сейчас или солжет, или признается в том, что принесет мне лишь боль. И нет, это была не вовсе акция мазохизма с моей стороны. Скорее попытка отрезвить и Никиту, поставить его на место.

Он поджал губы и промолчал. Смотрел на меня виновато, а у меня внутри все переворачивалось от самых разнообразных ощущений, приносящих только неприятные чувства. Ведь одно дело просто предполагать, хоть и будучи уверенной почти в стопроцентных загулах бывшего мужа, и другое – видеть буквальное доказательство того, что у него были женщины.

– Есь... Это все неважно сейчас. Теперь никого. Никогда. Клянусь.

Я скривилась от банальщины, прозвучавшей из уст Константинова и, все же отпихнув его от себя, проговорила:

– Надо же, как удобно! Полгодика погулял, а сейчас возжелал вернуться, и этого времени, а также женщин из твоего прошлого как ни бывало. А меня – к ноге и ни-ни сделать то, что позволял себе ты сам.

Я заходила по кухне, словно солдат на плацу. Хватала вещи, перекладывала их с места на место, чтобы только привести мысли в порядок и унять то, что отравляло мою душу.

– Сколько у тебя их было? М? Это же неважно, так что мо-

жешь признаться жене, которую так хочешь вернуть. Сколько? Десять? Двадцать? Пятьдесят? Ну, говори, чтобы мы могли потом это обсуждать долгими зимними вечерами.

Я остановилась и тихо рассмеялась. Прежде всего, над самой собой. Потому что меня все случившееся по сей день трогало, черт бы подрал этого Константинова! И я уже начинала мысленно задаваться вопросом – кто был у него за время, прошедшее с нашего расставания? Та самая Лилька, с которой я застала его целующимся? Или жена его приятеля Марина, положившая глаз на Никиту, чего не видел разве что слепой.

– Есения, они мне неважны... Проходной эпизод, когда мы уже были с тобой не вместе, – попытался оправдаться Никита, но я его прервала:

– И будем с тобой не вместе и дальше. Ты считаешь, что у тебя все впереди, а я – что наши с тобой отношения – позади. И это самое прекрасное осознание, которое случалось со мной в жизни.

Криво усмехнувшись, я вскинула руку, когда Константинов собрался протестовать:

– Больше ни слова на эту тему никогда. У меня ужасно болит голова. Попрошайся с дочерью и уезжай. Я хочу отдохнуть, – произнесла скороговоркой.

Он постоял так немного, глядя на меня, от чего мне стало не по себе. Словно в голове у Ника происходила какая-то борьба, о которой мне оставалось лишь догадываться.

– Я сам решу, говорить на эту тему, или нет, – отчеканил он и, развернувшись, ушел в комнату Сашки.

Кричать что-то в спину бывшему мужу я не стала. Сейчас мне действительно нужно было лишь одно.

Покой.

***

Отчаянно злясь, прежде всего на самого себя, Константинов прошел к дочери. Она смотрела мультик, но когда он появился рядом, вскинула голову и одарила Никиту радостным взглядом. Потом нахмурилась и, понизив голос до шепота, спросила:

– Этот противный Егор уже ушел?

Наверно, если бы Константинов сейчас начал пестовать в дочери эту неприязнь к хахалю Еси, он был бы только в выигрыше. Но так было неправильно. Егор, вроде как, на первый взгляд был нормальным мужиком. Хоть, конечно, ему и хотелось подбить глаз. Особенно чесались кулаки, когда Никита вспоминал, как Есения целовалась с другим.

– Егор ушел, да. И почему он тебе кажется противным? – спросил Константинов, подходя ближе.

– Потому что я мечтаю, чтобы с нами был ты, а не он. Представляешь, мама уже хочет, чтобы мы с этим Егором поехали на карусели! А я ведь так желаю отправиться туда с тобой.

Теперь настала очередь Константинова свести брови на переносице. Он не помнил о том, чтобы Сашка просилась в

парк аттракционов. Но если так, то конечно, отвести ее туда должен был он, а не кто-то другой.

– Послушай, Кнопа... В том, что мы с мамой сейчас живем не вместе, как раньше, виновата совсем не она. Но! – добавил он поспешно, когда увидел, что Сашка хочет что-то сказать. – Но я тебе обещаю, что приложу максимум усилий, чтобы это исправить.

Дочь смотрела на него внимательно и так серьезно, хоть сейчас отправляй знатоком в интеллектуальную передачу.

– Обещаешь-обещаешь? – спросила она после недолгого молчания.

– Обещаю-обещаю. Даже клянусь, – торжественно ответил Никита, и Сашка просияла.

Константинов взглянул на экран телевизора, с которого какой-то краб вещал о трудностях жизни. Усмехнулся. Вот уж у кого не было проблем, так у нарисованных персонажей.

– Ладно, малая. Я домой, а ты тут маме помоги, окей? – попросил он.

Дочь доверчиво прижалась к нему и вздохнула.

– Я бы хотела, чтобы ты остался, – шепнула она.

– В другой раз, – чмокнул в макушку Сашу Никита. – И это тоже обещаю.

Он вышел из квартиры через пару минут. Намеренно долго одевался в прихожей, надеясь, что Есения выйдет его проводить. Но, так и не дождавшись жены, крикнул в сторону кухни:

– Закрой дверь, Есь! До встречи.

Она не ответила, и Константинов, тяжело вздохнув, отбыл домой.

– У тебя дурацкое настроение, – констатировала мать Никиты, когда он зашел в квартиру.

– Поняла это по тому, как я шарахаю дверьми? – мрачно уточнил он.

– И по тому, как бросаешь свои ботинки. Что-то случилось?

Константинов молча повесил куртку на крючок и, повернувшись к матери, засунул руки в карманы джинсов. Он размышлял о том, стоит ли заводить беседу о Есении и Егоре и еще сильнее портить этот вечер, или лучше промолчать.

– Я от жены. Она завела себе другого. Это вкратце, – пожав плечами, все же ответил он.

– Ну, это ожидаемо. Еська красивая молодая девчонка. Или ты думал, что она будет одна до старости?

Фыркнув, мать развернулась и отправилась в гостиную, Константинов же, скрипнув зубами, поплелся в ванную. От матери поддержки он не ждал. По крайней мере, не в этом вопросе. Она обожала Есению, называла ее не иначе, как доченькой, и всячески шпыняла Никиту, когда он, по ее мнению, делал что-то не так. Поводы находились регулярно.

Вымыв руки, Никита присел на край ванны и, сцепив пальцы перед собой в замок, уставился на них. Ему нужно было понять кое-что важное. Он сидел и думал о том, поче-

му вдруг все стало настолько... другим. Неужели и впрямь пинок получился исключительно благодаря наличию у Еськи Егора? А если и так – он всё осознал и это главное. Или нет?

Поднявшись, Никита направился к матери. Она жила в другой квартире, но частенько приезжала его проведать. У них в семье было нормальным примчаться друг к другу без приглашения, а мать и вовсе называла своих сына и дочь, а также всех мало-мальски близких родственников не иначе как кланом.

– Выпей чай. С мятой, – кивнула она на заварочник, стоящий на тумбочке. – И рассказывай, что там за другой. Все? Упустил Еську?

Константинов поморщился, но напиток себе налил. Может, действительно успокоит?

– Не упустил. Хочу вернуть жену, – твердо сказал он.

– Уверен, что выйдет? – приподняла брови мать. – Что-то мне в последние наши встречи не показалось, будто Есения горит желанием снова страдать рядом с тобой.

Никита аж чуть чайник не выронил от услышанного. Подумать только! Собственная мать и настроена против сына!

– С чего ты взяла, что она страдала? – спросил он как можно спокойнее, хотя, ему и хотелось возмутиться.

– А я многое вижу, хоть и не лезу, сам знаешь. Страдала она, вот и ушла. Еще долго продержалась с тобой, остолопом.

– Мам!

Глаза Никиты полыхнули праведным гневом. Слушать нотации он был совсем не готов. Ему поддержка нужна, а не тыканье мордой лица в кучу, которую сам же и навалил.

– Что мамкаешь? Сам все мне рассказал, а в ответ получил всего лишь разумную реакцию. Тебе силы свои нужно прикинуть в завоевании собственной жены. Потому что пока я что-то не очень представляю, чтобы все кончилось в твою пользу.

Она отставила чашку и сосредоточила свое внимание на том, что показывали по телевизору. Никита мог сейчас возмущаться, запретить матери высказываться по озвученному поводу, придумать что-нибудь еще... Но это никак бы ему не помогло.

– Ну, спасибо, – буркнул он и, едва ли не откинув чашку на столик, зашагал к выходу из комнаты.

– Не за что, – откликнулась мама. – Ужин погреть?

Константинов развернулся и, криво усмехнувшись, язвительно ответил:

– Еська меня накормила досыта. Так что не нужно.

После чего, еще более злой, пошел к себе.

Я посмотрела в зеркало и, оставшись недовольной тем, что видела, принялась переделывать макияж. Сашка отбыла в ресторан с бабушкой, матерью Никиты. Они готовили какой-то сюрприз в мою честь. Я же должна была отправиться следом чуть позже, дав им фору в полчаса.

По правде говоря, к предстоящему празднеству я относи-

лась настороженно. Не знала, что может выкинуть Константинов в очередной раз, и уже даже думала намекнуть ему, чтобы забежал ненадолго и уехал, но не знала, как отреагирует Саша, а также – наши родственники и общие друзья, коих было с избытком.

Нанеся последние штрихи своего образа, я поднялась с пуфика, оправила платье и, услышав звонок в дверь, пошла открывать. Вержицкий должен был заехать за мной, чтобы отвезти в ресторан. А уже после ужина я договорилась с Татьяной Ивановной, матерью Никиты, чтобы она забрала Сашку с ночевкой. Потому что решила на то, чтобы перевести наши отношения с Егором в то русло, в которое бы они рано или поздно перетекли.

Распахнув дверь, я улыбнулась, но тут же уголки губ сами по себе опустились вниз. На пороге квартиры стоял Никита собственной персоной. С охапкой цветов, связкой воздушных шаров и внушительной коробкой, в цветной бумаге, перевязанной серебристой лентой.

– С днем рождения! – воскликнул он и, оттеснив меня вглубь прихожей, сначала вручил мне шары и цветы, а затем, дождавшись, пока я пристрою букет на стуле, а воздушное безобразие с двусмысленными надписями отпущу под потолок, протянул мне подарок. – Вот. Ты же о таком мечтала?

Я невольно округлила глаза, начиная догадываться о том, что может быть в коробке. Неужели тот самый ноутбук, о котором я начала заговаривать еще год назад? Очень дорогой и

почти что недосыгаемый, потому что я не была сторонницей того, чтобы тратить и без того вечно недостающие деньги на подобное. Даже если это заветная мечта.

– Как-то раньше от тебя особой прыти в сюрпризах не наблюдалось, – ответила я и, присев на краешек стула, на котором лежали розы, принялась сдирать бумагу с подарка.

Охнула, когда поняла, что Константинов не просто купил мне ноутбук той фирмы, о которой я грезила, но еще и взял самую дорогую модель.

– Это же стоит... как крыло самолета... – охнула я, не зная, как реагировать на подарок.

С одной стороны, это был сюрприз на день рождения, с другой – не решит ли Никита, что я ему чем-то обязана за такую ценную вещь?

– И не думай, что я с какой-то целью его тебе дарю. Он от всей души, чтобы тебе было приятно. Ты ведь мать моего ребенка, у тебя должно быть все самое лучшее.

Я поднялась на ноги и, отложив коробку, уже собиралась сказать, что мне нужно время подумать, принимать ли настолько дорогие подарки, когда случилось две вещи одновременно. Константинов потянулся ко мне и коснулся ртом уголка моих губ. Невесомо, едва ощутимо. И вроде как невинно. А от так и не запертой двери раздался голос Егора:

– Не помешаю?

– Помешаешь! – тут жеотреагировал Никита, и в голосе его появились нотки угрозы.

Я охнула, отстраняясь. Мне в день рождения только и не хватает, что драки двух мужиков, которую разнимать я буду при полном параде. В мыслях мелькнула дурацкая картинка, как мы втроем заявляемся в ресторан в изрядно потрепанном виде. У Константинова, скажем, будет оторван рукав рубашки, а у Вержицкого – выдран клочок волос.

– Не помешаешь! – вступила я и, пока все не перешло границ, быстро сунула ноги в туфли и, накинув на плечи пальто, кивнула Никите на выход: – Выходи и уезжай. Мы с Егором вскоре отправимся следом.

В глазах Константинова зажегся нехороший огонек. Бывший муж смотрел на меня с прищуром, намеренно делая вид, что замершего на пороге квартиры Вержицкого просто не существует на свете. А я стояла, вскинув подбородок и не отводя глаз. Если Никита собрался поиграть в гляделки – я не собиралась стать капитулировавшей стороной.

– Сашка ждет, что тебя до реста докину я, – наконец, сказал Константинов. – У нас с ней уговор.

Я растерянно моргнула раз-другой. Дочь что-то задумывала – это я знала, а вот то, что Никита был частью плана – нет.

– Вообще-то меня довезет Егор, – запротестовала я.

– Если дело в Сашеньке, то конечно, пусть Никита тебя подбросит, – сказал Вержицкий, и Константинов смерил его взглядом.

– Дело в нашей с Есенией дочери, – отрезал он, повысив

голос. – Четвертые лишние нам не нужны.

– Перестань! – одернула я Ника. – Егор – мой мужчина. И никакой он не лишний!

Я пребывала в возмущении, но Константинова, кажется, это ни капли не трогало. Он издевательски выгнул бровь, пожал плечами и вдруг выдал:

– Ну, если тебе настолько наплевать на планы Сашки... – начал говорить, на что я вскинула руку, давая понять, чтобы Константинов замолчал.

– Все, давайте уже выдвигаться в ресторан, – сказала мужчинам. – Только цветы в воду поставлю.

Я метнулась на кухню, цокая каблуками. Нет, ну вы подумайте! Четвертый лишний! Что он вообще себе позволяет?

Приспосабливать под букет пришлось банку – вазы закончились еще на прошлых хризантемах и розах. Я наливала воду, а у самой руки дрожали от эмоций. И каждое мгновение прислушивалась к происходящему в прихожей, надеясь, что Ник и Егор друг друга не попереубивают.

Вернувшись к ним, взяла сумочку и вышла из квартиры. Константинов последовал за мной.

– И да, привет, – сказала Вержицкому, улыбнувшись чуть нервно, после чего чмокнула его в щеку.

Спускались вниз мы в полном молчании. В лифте мне показалось, что я попала в душную железную коробку, из которой не было выхода. Стоящие рядом мужчины, каждый из которых норовил быть ближе, спокойствия мне не добавля-

ли.

Когда же мы вышли на улицу, Константинов направился к машине размашистым шагом. Снял ее с сигнализации, распахнул для меня пассажирскую дверцу, приглашая сесть внутрь. Я застыла на месте, а у самой внутри поднялась волна протеста. Я не собиралась позволять Никите играть в его игры. А планы дочери, если, конечно, Константинов о них не соврал, как-нибудь немного переиграются.

– Увидимся на месте, – кивнула я Нику и, взяв под руку Егора, направилась к припаркованной неподалеку машине Вержицкого.

Несколько минут мы ехали в полном молчании. Некоторое время Никита, как приклеенный, маячил за нами. Егор бросал на его машину, мелькающую в зеркале заднего вида, встревоженные взгляды. Потом Константинов обошел нас слева и его только и видели.

– У вас так заведено? Ну, что подарки Никита дарит исключительно дорогие? – спросил Вержицкий, и в голосе его послышались нотки, которых я раньше не замечала. Хоть он очень и старался говорить спокойно и даже расслабленно.

– Нет, – помотала я головой и кривовато усмехнулась. – Даже наоборот. Обычно Константинов был не настолько щедр.

– Хм.

Вот именно. Хм. Егор обозначил своим вопросом основные моменты относительно ноута, которые мне вскоре при-

дется крепко обдумать. С одной стороны, подружки бы сказали: Дарит дорогое? Так и надо! С паршивого козла, как говорится... С другой – я напрочь не желала, чтобы этот подарок меня к чему-нибудь обязал.

– У меня достаточно средств, чтобы обеспечить свою женщину всем, что ей требуется, – с нажимом сказал Вержицкий и, когда мы остановились на светофоре, повернул голову ко мне.

Теперь в его голубых глазах я видела два потемневших колодца, в которые превратились зрачки. Эмоции, несмотря на показную сдержанность, Егор испытывал острые.

– Давай обсудим это потом, – сказала я, когда увидела ресторан и выдохнула с облегчением.

Все происходило слишком быстро. Этот подарок, разговор с Вержицким, в котором он четко обозначил мою принадлежность ему в его же глазах. Я даже не успевала реагировать – ни эмоционально, ни как бы то ни было иначе.

– Вон Сашка уже ждет, – сказала я, когда заметила дочь, восседающую на руках Константинова.

Они встречали нас у входа в компании моих родных и друзей.

– Вижу, – мрачно ответил Егор и, едва затормозив возле ресторана, вышел и громко хлопнул дверцей.

Я застыла на месте. Сидела, сжимая руки в кулаки и смотрела на то, как Вержицкий идет ко входу. Как минует моих родных и скрывается внутри.

Выйдя, натянула на лицо улыбку, по которой всем, кто меня хоть мало-мальски знал, было ясно – я притворяюсь. Дочь сразу бросилась ко мне и объявила:

– Сюрприз!

Рядом с ней сиял, как начищенный самовар, Константин. Он включил музыку на телефоне, а Сашка принялась отплясывать. Причем делала это так, словно ходила на танцевальные курсы, причем я об этом не знала ровным счетом ничего.

– С Днем Рождения! – воскликнула Сашка, закончив свой танец.

– С Днем Рождения, родная, – поддержал дочь Константин. – Сегодня для тебя – все самое лучшее.

– Спасибо, – откликнулась, прижав Сашку к себе. Взгляд мой при этом то и дело пытался найти Егора. – Ну? Идем в ресторан? – спросила у дочери и Ника.

Константинов извернулся и, отстранив Сашу, попытался меня поцеловать, причем делал все, чтобы наши губы в итоге соприкоснулись. Чему я всячески препятствовала, разумеется.

– Есь... – шепнул Никита. – Ну замри ты уже!

Я и вправду застыла, оказавшись в его объятиях, только совсем не потому, что того требовали обстоятельства.

– А может, сбежим? М? Санчо только за. Родственники и друзья отгуляют и без нас. А мы поедем на дачу и там отпразднуем твою днюху.

Константинов, предлагающий мне это, выглядел так, словно был уверен в своих словах. Впрочем, скорее всего, все именно так и обстояло. Он действительно решил, что мы можем сбежать с праздника, который был организован сильно загодя. И что я буду счастлива отбыть к нему на дачу, наплевав на то, что подумает Егор.

– Иди ты к черту, Константинов! – прошипела я и, высвободившись, взяла дочь за руку и повела ее к ресторану.

Вержицкий набрался. Причем сделал это так быстро и так неожиданно для меня, что я только и успевала, что горестно вздыхать и удивляться. Сама я относилась к такого рода «развлечениям» категорически плохо. Да и Егор как-то не внушал опасений, что такое в принципе может случиться. И вот я стояла, придерживая Вержицкого, который лепетал какую-то ерунду, и молилась, чтобы такси приехало как можно скорее. Вот вам и уговор с Татьяной Ивановной на ночевку Саши...

– Ешь! Я помогу, – вызвался Константинов, который вовремя перехватил Егора, потому что мне уже начинало казаться, что я не сдюжу.

– Только до такси, дальше я сама, – откликнулась, сгрузив Вержицкого на руки Никите.

– И часто он так? – вскинул брови бывший муж.

– Не частоооо, – протянул Егор.

Я поджала губы и помотала головой, давая понять, что вести беседы на эти темы не намерена. Посмотрела на экран

телефона. Да где же эта чертова машина? Что странно – Никита не пытался мне указать на то, в каком состоянии Егор. Не пользовался ситуацией, чтобы выставить Вержицкого в проигрышном свете. А я сейчас не могла обо всем этом думать. У меня стояла задача номер один – добраться до дома.

– Мы ведь его к нему повезем? – спросил Константинов, удобнее устраивая Егора.

– Мы – нет. Я сама справлюсь, – откликнулась, когда программа показала, что такси будет через пару минут.

– Исключено. Я помогу, – отрезал Константинов, и я вздохнула.

Борьбу за собственную свободу начну по приезде машины. Такси прибыло и я кивнула на авто.

– Усадишь? Дальше я сама.

– Без проблем, – хмыкнул Никита.

Он довел (вернее, больше бы подошел глагол «дотащил») Егора до такси, буквально впихнул в салон и устроился рядом с Вержицким.

– Я помогу тебе, – предвосхитил словами мои возмущения и мне ничего не оставалось, как мысленно выругаться и сесть на пассажирское сидение рядом с водителем.

Егор посапывал, устроив голову на плече Никиты. И мне было бы весьма потешно на это смотреть, особенно учитывая выражение лица Константинова, если бы я не пребывала в состоянии, которое можно было обозвать только одним словом – психоз. Меня бросало по эмоциям с такой скоро-

стью, которой бы позавидовал и пилот Формулы один.

– Снегирева 2, второй подъезд, – сказала водителю, назвав свой адрес, на что Никита тут же отреагировал:

– Собираешься с ним ночевать? Тогда мне придется остаться третьим.

Я обернулась и посмотрела на бывшего мужа с возмущением.

– Это вообще не твое дело. Если уж вызвался помочь – доведи до квартиры и уезжай. Большого мне от тебя не нужно.

– Ну, это я сам решу, уезжать, или нет. Если окажется, что...

– Если окажется, что?

Вздохнув, я прикрыла глаза и досчитала до пяти. Сзади раздался всхрип Вержицкого. Меня охватила какая-то совсем уж иррациональная ярость. Значит, как своих девиц целовать, так кому-то все можно, а как я планирую сделать то, что касается только меня, Константинов тут как тут и против.

– Хорошо, решишь сам, – сказала я, когда у меня в голове появился план.

Если не удастся выставить Никиту ко всем чертям, просто уйду сама. Пусть возится с Егором, раз уж ему так желается поучаствовать в его судьбе.

– Вот и хорошая девочка, – ухмыльнулся Константинов.

Чего мне стоило промолчать и не ответить на это так, что даже у таксиста бы завяли уши, знали только небеса.

Мы добрались до двери в мою квартиру без особых приключений. Никита героически выдерживал все, что на него взвалил Егор, причем сделал это в прямом смысле этого слова. Как только оказались в прихожей и Константинов сгрузил Вержицкого на один из стульев, я приступила к выполнению своего плана.

– Черт... Обронила платок... Наверно, на лестнице, когда поднимались от лифта, – посетовала я и устало прислонилась к стене.

– Сейчас принесу, – вызвался Константинов и, едва вышел за порог квартиры, как я захлопнула за ним дверь и закрыла ее на все замки.

Грохот с той стороны раздался едва ли не через мгновение.

– Еся! Открой! Ты что, меня надула? – заорал Никита, колотясь в дверь с такой силой, что задрожали стены.

Я стоически молчала. Соседей на уши он вряд ли бы поднял – время было еще раннее. Разбудить Егора – тоже. Тот заснул богатырским сном, привалившись к шкафу. Дело было за малым – дожждаться, пока Константинову надоест и он уедет.

Хватило Никиты на целых полчаса, за время которых я выслушала целую какофонию разнообразных звуков – от грохота и ругани, до увещеваний и даже скрежета в дверь. Когда же Константинов показался в окне, выйдя на улицу, я открыла стеклопакет и крикнула:

– Константинов... ладно! Поднимайся.

Он постоял некоторое время, запрокинув голову и глядя на меня. При этом выражение его лица меня испугало, ибо на нем было написано... восхищение. Не злость, которая выглядела бы в разы уместнее, не «А не пойти ли тебе к черту?». А самое настоящее восхищение.

– Сейчас, – крикнул он в ответ и направился к двери в подъезд.

Последним штрихом в этом вечере стало то, что я быстро выставила в общий коридор коробку с ноутбуком, и когда на лестнице раздался звук шагов, вновь закрыла дверь и заперлась.

Проснулась я от запаха чего-то ванильного. И от шорохов на кухне, которые, как я смела надеяться, мог производить только один человек. Вержицкий.

Он вчера не без труда был уложен спать на диване, сама я расположилась в комнате Сашки, устроившись на ее кровати. Перед этим сбегала в душ, созвонилась со свекровью, чтобы убедиться, что с ребенком все хорошо, а после некоторое время стояла и смотрела на Егора. И не понимала, что именно чувствую. Вроде бы ничего страшного не произошло. С кем такого не бывало? Однако внутри угнездилась какая-то неприязнь. Не слишком острая, но царапающая ощутимо. Впрочем, я убедилась, что это всего лишь последствия того вечера, которого я так ждала и который в итоге полетел в тартарары.

– С добрым утром, – просиял извиняющейся улыбкой Егор, который, как выяснилось, когда я показалась на пороге кухни, жарил сырники.

– С добрым утром, – растянула я губы в ответной улыбке. – Вкусно пахнет.

– Мои фирменные. Садись, – кивнул Егор на стул. – Сгущенки у тебя не нашел, сметаны тоже.

– Сашка слопала, – покачала я головой и устроилась за столом.

Передо мной тут же материализовалась тарелка с едой, а следом, через минуту, чашка кофе.

– Мне очень неудобно перед тобой за то, что все вчера так вышло, – сказал Егор, устраиваясь напротив.

Себе еды не взял, видимо, решив отдать предпочтение бутылке минералки, из которой и отхлебнул.

– Не стоит... – начала я, но Вержицкий меня перебил:

– Стоит. Поешь и давай все подробно обсудим.

Я тяжело вздохнула и послушно принялась за завтрак. По правде говоря, предпочла бы вести беседы на важные темы не тогда, когда предыдущий день был похож на апокалипсис. Но как уж есть.

– Я прошу прощения и за свое поведение и за то, что позволил твоему мужу меня накачать. Ты знаешь, мне много не надо. А тут я решил, что раз он зовет отмечать, то хочет навести мосты. – Вержицкий усмехнулся, но ухмылка его была кривовато-горькой. – Впредь буду более осмотрительным.

Отложив вилку, я вытерла губы салфеткой и отпила глоток кофе. Посмотрела на Егора внимательно, не зная, стоит ли и дальше углубляться в обсуждение нашего невольно сложившегося треугольника, или достаточно того, что он сказал. Все же решилась:

– Я вернула Никите ноутбук. Думаю, так будет правильнее.

Егор вскинул бровь.

– Если ты сделала это из-за меня...

– Не из-за тебя. Я действительно считаю, что так будет вернее всего.

Вержицкий вдруг выдохнул с явным облегчением. Отодвинулся от стола прямо на стуле и, хлопнув себя по колену, дал мне понять, что хочет, чтобы я пересела. Я почти не колебалась, когда встала и устроилась там, куда меня приглашали. Егор обхватил меня руками, прижался крепко и застыл так на несколько мгновений. А вот я замерла. Несмотря на то, что планы на минувшую ночь у меня были весьма конкретного толка, сейчас я была не настроена на что-то большее, чем объятия. И если бы Вержицкий пожелал перейти в другую плоскость в наших отношениях прямо здесь и в данную минуту, ответила бы отказом. Но он не пожелал. Сначала отстранился, поймал мой взгляд и вдруг сказал непримиримым и даже жестким тоном:

– Я хочу, чтобы ты минимизировала свое общение с бывшим мужем до встреч, на которых он будет забирать и при-

возить обратно вашего ребенка. И больше никаких совместных походов и праздников. Это мое требование.

Я замерла, а от удивления у меня глаза на лоб полезли. Неужели Вержицкий и впрямь считал, что может диктовать мне условия, когда мы с ним знакомы без года неделю? Конечно, я рассчитывала на то, что наши отношения станут более серьезными, но... Сейчас они таковыми не были. И если Егор полагал, что он уже может от меня требовать настолько важных вещей, которые его пока касались весьма опосредованно, то у меня для него были плохие новости.

– Извини, но я сама решу, будут ли совместные праздники, на которых поприсутствую и я, и Никита, или нет. Например, день рождения Саши тоже скоро. Предлагаешь мне отвезти туда дочь и побыть в сторонке? Или запретить Константинову приезжать к дочери? Братъ у него подарки на пороге и отправлять куда подальше?

Я поднялась с колен Вержицкого, он меня не задерживал. Отошла к окну и, сложив руки на груди, принялась смотреть на улицу. Сама же всем нутром чувствовала пристальный взгляд Егора.

– О, понял. Ты мне говоришь открыто, что мое мнение для тебя неважно. Окей.

Я посмотрела на Вержицкого. Он резко поднялся из-за стола и вскинул руки, как будто сдавался.

– Твое мнение для меня важно, – заверила я его. – Но есть вопросы, которые касаются только меня. Их решать я буду

сама и уж тем более не желаю требований и условий.

– Знаешь, как это называется? – Егор оперся руками на стол и на лице его появилось злое выражение. – Это называется усидеть на двух стульях. Мягко говоря.

– Спасибо, что сдержался и не стал произносить то, что хотелось, – я фыркнула, скрывая этим ту горечь, что мгновенно появилась на душе.

Вержицкий глубоко вздохнул и, взяв минералку, направился на выход. На пороге кухни обернулся и прежде, чем уйти, сказал:

– Ешь, если ты не хочешь, чтобы наши отношения завершились, так толком и не начавшись, пересмотри свое отношение к Никите. Он делает все, чтобы тебя вернуть. Если ты этого тоже хочешь – я умываю руки. Если же нет – тебе самой придется начать выстраивать свою жизнь так, чтобы всем – и особенно тебе – в ней было комфортно. Пока это далеко не так и все происходящее больше похоже на театр абсурда.

Проговорив это, Вержицкий вышел, а через минуту за ним захлопнулась входная дверь. Я горестно вздохнула и, растерев лицо ладонями, отправилась запирать замок.

В общем и целом, Егор был прав. Мне нужно было расставить точки в отношениях с Никитой. Но я напрочь не понимала, как это сделать, ибо на все мои слова он реагировал одинаково – делая вид, что сказанное мною ерунда, которая его никак не касается.

Когда раздался звонок в дверь, я уже заготовила речь, од-

нако меня ждал сюрприз. На пороге стояли недовольные и хмурые донельзя Константинов и Сашка, причем я тут же почувствовала себя так, словно в этом все был лишь один виновный – я.

Ни слова мне не сказав, Никита попрощался с дочерью и, дождавшись, пока она зайдет в квартиру, развернулся и уехал. Прекрасно. Эту его тактику я знала досконально. Сделать айсбергом в океане, тем самым показывая, кто из нас неправ. И конечно же, речь шла вовсе не о Никите.

– Как у тебя дела, Кнопа? – спросила я у Сашки, делая вид, что ничего особенного не произошло.

И что мы с ее отцом всегда при встрече изображаем из себя двух незнакомцев.

– Плохо дела, – всхлипнула дочь и лицо ее при этом было таким, что я поняла – Сашка сдерживается, чтобы не разрешиться. – Папа очень расстроен, а чем – не говорит.

Она повесила куртку и, прежде чем удалиться к себе сообщила, предвосхищая мои вопросы:

– Есть не хочу. Включи мне мультики, пожалуйста.

Я снова вздохнула и направилась за дочерью. Заготовленная речь не понадобится, а вот разговор с Сашкой – очень даже.

Добравшись до комнаты дочери, я застыла в полуметре от порога. Словно опасалась того, что могу передумать и сбежать. На самом деле, подбирала слова, которые нужно сказать. Расставить все точки и сообщить, что ее отец целовался

с другой? Могла ли я идти на этот шаг вот так, очертя голову? Саше было всего шесть. Все время с нашего разрыва она пребывала в уверенности, что мы с ее отцом в итоге сойдемся. Да, конечно, в этом я должна была ее разубедить, но... Но выливать на голову ребенка подробности того, какой Никита плохой человек – равносильно сведению с ним счетов. В которых прежде всего пострадает маленький человек. За которого мы оба несем ответственность.

– Кноп, давай пока Фиксики подождут, а мы с тобой поговорим? – сказала я как можно спокойнее, заходя и закрывая за собой дверь.

На нее Сашка бросила затравленный взгляд, словно опасалась, что я запру ее в четырех стенах.

– Давай, – кивнула и, устроившись на диване, прижала к себе мягкую куклу, словно щит.

Я присела рядом. Сложила руки на коленях и, глубоко вздохнув, заговорила:

– Сашунь... я не хочу, чтобы ты восприняла мои слова, как попытку настроить тебя против папы. Он твой отец и любит тебя, что бы ни случилось.

Сказав, сделала глубокий вдох и быстро, чтобы не передумать, проговорила:

– Но он сильно меня обидел. И мы разошлись не просто так. Я не могу его простить. И не смогу в будущем. Поэтому ты должна понимать – как раньше не будет.

Снова втянула воздух в легкие и прибавила скороговор-

кой:

– Что бы ни происходило сейчас – я люблю тебя. Твой папа – тоже. Наше отношение к тебе не изменится. Но мы больше не вместе. Как раньше – не будет.

На этих словах личико Сашки скривилось. Я уже думала, что дочь расплачется, устроит истерику, или что-то подобное, но вместо этого она, чуть помедлив, перебралась ко мне на колени и, вздрогнув всем тельцем, спросила:

– Совсем-совсем не будет? А то папа обещал.

Я снова сделала вдох. На этот раз – рваный и горестный.

Помотала головой:

– Нет, не будет.

После чего прижала к себе Сашку так крепко, как только могла. Некоторое время она сидела, закаменев, превратившись в крохотную статую. А потом вцепилась в меня мертвой хваткой.

Мы так и замерли. Вдвоем, если не считать куклу. И лишь только внутри у каждой творилось то, чему нельзя было дать точного названия. Но что было схожим лишь с одним явлением.

Огненным штормом, который сносил все на своем пути, и после этого оставалась лишь выжженная пустыня.

– Ешь, я буду у тебя через полчаса. Если ты дома, конечно, – слышался в трубке настолько ледяной голос Никиты, что у меня аж мурашки по телу побежали.

– Я дома, да. Что-то случилось?

Задала этот вопрос и губу закусилa. Конечно, случилось. У нас с бывшим мужем полный раздрaй в отношениях. А их так или иначе придется выводить в ровную, не вызывающую эмоций плоскость. Хотя бы ради общего ребенка.

– Хочу обсудить кое-что важное. До встречи, – добавил Константинов и повесил трубку.

И тут со мной случился самый настоящий мандраж, понять природу которого я не могла. Наверно, так себя чувствуют все женщины, которых их мужья обожают катать на эмоциональных американских горках. И почему меня до сих пор это так трогает? Куда ведь правильнее было озадачиться тем, например, почему на мои сегодняшние звонки и смс не реагирует Егор? И что вообще нам с ним друг другу говорить, когда мы все же созвонимся или увидимся?

Эти полчаса, что я просидела на кухне в ожидании приезда Константинова, меня то накрывало спокойствием, то паникой. Даже пришлось срочно заварить себе чаю с мятой, который, впрочем, ни черта не помог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.